

Глава 21

— Уа-а-а!

— Папа, мне страшно! Я так боюсь!

В коридоре Линь Сяобао, рыдая, бросился в объятия отца.

Он плакал так горько, так надрывно, что, казалось, сотрясались стены.

Даже лампочка над головой мигнула пару раз.

Ему было страшно. Страшен стук в дверь, страшны злодеи снаружи.

Но страшнее всего было то, что папа мог оставить его одного!

Он до смерти боялся!

Рыдая, Линь Сяобао не забывал крепко цепляться за одежду отца.

Папа не уйдёт! Он не оставит его одного!

Видя сына в таком состоянии, Линь Цзао чувствовал, как его собственное сердце разрывается на части.

Он опустился на колени и крепко прижал малыша к себе.

Наклонившись, он прижался своей холодной от ветра щекой к мокрому от слёз личику сына.

— Тише, Сяобао, не бойся, — шептал он, нежно успокаивая. — Папа здесь, папа тебя защитит.

Но Линь Сяобао, обезумев от страха, не слышал его слов.

Линь Цзао не торопил его, лишь обнимал и повторял свои слова снова и снова, отвечая на каждую жалобу сына.

— Там так громко! Громче, чем гром!

— Это плохие люди стучали в дверь, но папа и большой папа их прогнали. Не бойся.

— Там так темно, и в шкафу темно! Папа даже свет мне не включил!

— Прости, это папа забыл. Я сейчас же положу ночник в шкаф.

— Папа и большой папа меня бросили! Вы меня больше не любите!

— Мы тебя не бросали! Мы пошли тебя защищать!

— Я один... Вас с большим папой двое, а я один...

Сначала Линь Сяобао ещё мог говорить связно и понятно.

Но он плакал так сильно, так отчаянно, что вскоре согнулся пополам и закашлялся.

— Нечестно... кх-кх-кх... совсем нечестно...

— Сяобао? Сяобао!

Линь Цзао, почувствовав неладное, тут же ослабил объятия. Одной рукой он поддерживал сына, а другой, сложив ладонь лодочкой, легонько похлопывал его по спине.

— Что случилось? Ты слюной подавился? Дышать можешь?

В этот момент Линь Сяобао сильно кашлянул, а затем открыл рот и стал жадно глотать воздух.

Линь Цзао сжал его ручку, почувствовал, что она дрожит, и быстро прикрыл ему рот и нос.

— Сяобао, не дыши так быстро.

Он плакал так сильно, что его дыхание сбилось.

Линь Сяобао не слушал его, и Линь Цзао пришлось повысить голос.

— Сяобао, слушай папу! Делай, как я говорю!

Линь Цзао зажал ему нос и рот.

— Медленный вдох.

Снова зажал.

— Медленный выдох.

Линь Сяобао, дрожа, послушно повторял за отцом.

Вдох-выдох, пауза.

Через несколько минут его дыхание выровнялось.

Линь Цзао потрогал его ручку, убедился, что она больше не дрожит, и с облегчением вздохнул.

Линь Сяобао стоял перед ним, его глаза, губы и всё лицо были красными от слёз.

Он посмотрел на слишком серьёзное лицо отца и, всхлипывая, тихо спросил:

— Папа такой сердитый... папа меня больше не любит?..

— Глупости! — тут же прервал его Линь Цзао и снова прижал к себе. — Папа не сердится на тебя, папа за тебя волнуется!

— Ты так сильно плакал, что не мог дышать. Я говорил с тобой, но ты не слышал, поэтому мне пришлось быть строже.

— Я волновался за тебя, боялся, что ты не сможешь дышать, что упадёшь в обморок.

Линь Сяобао уткнулся в грудь отца и глухо спросил:

— Правда?

— Конечно, правда! — серьёзно ответил Линь Цзао. — Как ты себя чувствуешь? Дышать можешь?

— Угу... — кивнул Линь Сяобао.

— Вот и хорошо.

Линь Цзао погладил его по спине, достал из кармана платок и вытер ему лицо.

Линь Сяобао плакал так сильно, что его лицо было мокрым от слёз, соплей и слюней.

Но Линь Цзао не брезговал. Вытирая его, он ласково уговаривал:

— Было очень опасно. Я боялся, что плохие люди схватят тебя, обидят, поэтому и спрятал в шкафу.

— Я знаю, что тебе было страшно, поэтому, как только они ушли, я сразу же вернулся за тобой, правда?

— Я знаю, что ты ещё совсем малыш, поэтому я не сержусь, что ты плакал. Я не злюсь на тебя, мне просто очень жаль.

— Жаль нашего малыша, который один прятался в шкафу, один открывал папе дверь.

— Такой маленький, но такой смелый. Правда?

— Правда... — обиженно кивнул Линь Сяобао. — Правда.

— Мне было очень грустно, и я слышал всё, что ты говорил.

— Поэтому в следующий раз ты можешь спокойно всё мне рассказать. Можешь даже поплакать, но не так сильно, чтобы не навредить себе.

— Хорошо?

Линь Сяобао снова кивнул:

— Хорошо.

— Умница! — Линь Цзао перевернул платок и зажал нос сына. — Сяобао, «хм-м»!

Линь Сяобао глубоко вдохнул, закрыл рот и выдохнул через нос:

— Хм-м-м!

Словно паровозик тронулся с места.

— Ого! — Линь Цзао показал ему платок. — Смотри, сколько соплей.

— Если ты будешь всё время плакать и не давать мне вытирать тебе лицо, сопли потекут в животик. Это грязно, и в животике заведутся червячки.

— Поэтому, когда будешь плакать, поплачь немного и остановись, чтобы папа мог тебя вытереть. Угу?

Линь Сяобао в последний раз решительно кивнул:

— Угу.

— Вот и славно, — Линь Цзао взял его за руку. — Плохие люди ушли. Давай я умою тебя, а потом мы пойдём ужинать, хорошо?

— Хорошо.

— Пойдём.

Линь Цзао повёл его в ванную в спальне.

Он налил в тазик тёплой воды, намочил маленькое полотенце сына и отжал его.

Линь Сяобао послушно сел на скамеечку и поднял голову.

Тёплое полотенце легло ему на лицо.

— Сяобао, приятно?

— Приятно.

Линь Цзао до этого лишь наскоро вытер ему слёзы и сопли, а теперь аккуратно протирал уголки его глаз и губ.

Линь Сяобао шмыгнул носом и снова позвал:

— Папа.

— Я здесь, что случилось?

— Большой папа тоже ушёл?

— Да, — ответил Линь Цзао. — Я один не мог справиться с плохими людьми, и большой папа пришёл на помощь. Он даже поранился, спасая меня. Потом нам нужно будет обработать ему раны.

— Тогда я тоже пойду с вами! В следующий раз я тоже пойду!

— Но на улице слишком опасно, — инстинктивно возразил Линь Цзао. — Ты ещё такой маленький.

— Мне всё равно! Я пойду! Я хочу быть с папой и большим папой!

— Но... оставаться дома — это тоже очень важная задача, — терпеливо уговаривал его Линь Цзао. — Смотри, у нас так много овощей, так много мяса, за всем этим нужно присматривать.

— Мы с большим папой уйдём, а ты останешься дома всё охранять. Мы разделимся на два отряда и будем работать вместе, договорились?

Линь Сяобао возразил:

— Но вас с большим папой двое, а я один! Это нечестное разделение!

— Это потому что... — Линь Цзао задумался. — Мы с большим папой немного глупенькие, а Сяобао умный, один стоишь двоих. Раз ты один в отряде, значит, ты сильнее.

Линь Цзао поднял большие пальцы, показывая их сыну поочерёдно.

— Сильный! Очень сильный!

— Хм...

Линь Сяобао засомневался.

В этом была какая-то логика.

— Но я всё равно хочу быть с вами, я не хочу оставаться один дома, я боюсь, что вас ранят...

— Не бойся, с нами ничего не случится, — Линь Цзао погладил его по голове. — Мы себя защитим. А ты останешься дома, сосчитаешь до ста, и мы вернёмся.

— Правда?

— Конечно, — Линь Цзао протянул руку. — Хочешь, на мизинчиках поклянёмся?

— Хорошо...

Линь Сяобао уже было протянул руку, но вдруг что-то вспомнил.

— Папа, я не умею считать до ста!

Папа его обманывает! Папа обманывает неграмотного малыша!

— Ничего, я тебя сегодня же вечером научу.

Маленький неграмотный тут же оживился, его легко было уговорить.

— Ну ладно. Давай клясться.

***

Умыв сына, Линь Цзао повёл его вниз, в столовую.

Когда пришли грабители, они как раз собирались ужинать.

Теперь грабители ушли, но еда на столе остыла.

Линь Сяобао только что сильно плакал, и ему нельзя было есть жирное, чтобы не заболел живот и не стошнило.

Поэтому Линь Цзао убрал тушёную свиную голову в холодильник, а достал лишь два кусочка плотного тушёного свиного сердца и нарезал их.

Затем он снова поставил на огонь кастрюлю с водой и сварил лёгкий и аппетитный суп с водорослями и яйцом.

Пока варился суп, он поставил на кастрюлю пароварку и подогрел рис.

Суп сварился, рис подогрелся.

Линь Цзао усадил сына в детский стульчик и поставил перед ним еду.

Уже поздно, да и Сяобао так долго плакал, наверняка проголодался.

— Вот, ароматное свиное сердце и яичный суп, ешь с рисом.

Линь Сяобао, увидев, что вся еда стоит перед ним, удивлённо спросил:

— А папа? Папа не будет есть?

— Я уже поел немного, пока готовил, — терпеливо объяснил Линь Цзао.

— Большой папа ранен и ждёт внизу, когда я принесу лекарства и перевяжу его.

— Ты ешь потихоньку, не торопись, я буду внизу. Если что-то случится, громко крикни, и я сразу же приду.

— Хорошо?

Услышав, что Линь Цзао уходит, Линь Сяобао тут же забеспокоился.

— Нет! Нехорошо!

Он заёрзал, пытаясь выбраться из стульчика.

— Я хочу с папой! Я сейчас же пойду с папой!

Ему всё ещё было немного страшно.

Линь Цзао думал, что он успокоился, но...

Хотя, чего он ожидал? Сяобао всего три года, он пережил такое ужасное событие, как он мог сразу же прийти в себя?

Линь Сяобао так сильно дёргался, что чуть не опрокинул стульчик.

Линь Цзао поспешно взял его на руки:

— Хорошо, хорошо, пойдёшь со мной, я отнесу твою еду вниз.

Глаза Линь Сяобао загорелись, и он решительно кивнул:

— Угу!

— Но ты должен пообещать мне, что будешь хорошо кушать и не будешь заходить в комнату большого папы. Он серьёзно ранен, и мне нужно будет его лечить, а ты не должен нам мешать.

На самом деле Линь Цзао боялся не того, что сын будет мешать, а того, что Фу Чэн, весь в крови, напугает его.

— Хорошо, — тут же согласился Линь Сяобао. — Обещаю не мешать вам.

— Тогда пойдём.

Линь Сяобао взял свою маленькую миску.

Линь Цзао нашёл аптечку, и, взяв в одну руку лекарства и бинты, а в другую — суп, спустился с сыном вниз.

Он принёс высокий пластиковый табурет и поставил его у входа в кладовку, на некотором расстоянии.

— Сяобао, это твой обеденный стол. Садись здесь и ешь, а мы с большим папой будем в той комнате обрабатывать раны.

— Папа, можно поближе? — попытался поторговаться Линь Сяобао.

— Нельзя, — строго сказал Линь Цзао. — Только здесь.

Если Чэн-гэ вдруг их не узнает и нападёт, у Сяобао будет шанс убежать.

— Ладно.

Линь Сяобао послушно поставил свою миску, принёс свою скамеечку и сел за «стол».

Линь Цзао, разгадав его намерения, снова напомнил:

— Не таскай сам табуретку, она тяжёлая, опрокинешь суп и обожжёшься.

Говоря это, он взял руку сына и приложил его палец к миске с супом.

— Горячо?

— Очень горячо!

— Поэтому будь осторожен.

— Ладно, — неохотно согласился Линь Сяобао.

Устроив сына, Линь Цзао надел шлем и перчатки и медленно направился к кладовке.

Узнает ли его Чэн-гэ?

А если не узнает, что тогда?

А если... если он попытается его укусить?

Нет, нельзя.

Никаких «если».

Даже если случится худшее, он всё равно должен обработать ему раны!

Он весь в крови, так серьёзно ранен, нельзя его так оставлять.

Приняв решение, Линь Цзао подошёл к двери кладовки и легонько нажал на приоткрытую железную дверь.

Дверь со скрипом медленно отворилась.

Дюйм за дюймом...

Линь Цзао нащупал на стене выключатель и включил свет.

Лампочка мигнула пару раз, осветив всю кладовку.

Три дюйма, четыре...

Линь Цзао поднял голову и увидел Фу Чэна, сидящего на кровати.

Он выполнил его приказ, отданный перед уходом.

Фу Чэн держал в одной руке миску, в другой — палочки.

Он ужинал, и уже закончил.

Услышав шум, Фу Чэн поднял голову и посмотрел на Линь Цзао.

В его глазах мгновенно вспыхнул свет, полный радости и ни капли агрессии.

Линь Цзао с облегчением вздохнул, положил лекарства и бинты в карман и пошёл за водой.

На нём было столько крови, нужно было сначала всё смыть, а потом перевязывать.

Но стоило ему отвернуться, как Фу Чэн тут же забеспокоился.

Линь Цзао пришлось обернуться, указать на него пальцем и сказать:

— Я сейчас вернусь, сиди.

Фу Чэн не понял слов, но понял жест и, подавив желание броситься к нему, сел обратно.

Линь Цзао подошёл к крану в гараже, набрал таз чистой воды и снял со стены синее полотенце.

Это было полотенце, которым Фу Чэн вытирал пот во время работы.

Оно было почти новым, можно было использовать.

Линь Цзао с тазом воды вернулся в кладовку.

Фу Чэн, увидев его, снова улыбнулся.

— Смеёшься, да? Довёл себя до такого состояния и ещё смеёшься?

Пробормотал Линь Цзао, глядя на него, достал из воды полотенце, отжал его и бросил ему на лицо.

Перед глазами потемнело, и Фу Чэн инстинктивно поднял руку для удара, но, услышав голос

Линь Цзао, тут же опустил её.

— Чэн-гэ, как ты умудрился? Откуда столько ран?

Линь Цзао полотенцем стирал с его лица засохшую кровь.

Под кровью виднелись несколько неглубоких царапин.

На лице было ещё ничего, хуже всего — плечи, руки и грудь.

Несколько глубоких и длинных ран, из которых виднелось мясо, приводили Линь Цзао в ужас.

Он наклонился и осторожно протирал его грудь.

Одна рана, вторая, третья...

Протирая, Линь Цзао почувствовал, как к горлу подступает ком, а в носу зашипало.

Он не хотел плакать и, чтобы скрыть свои чувства, без умолку говорил с Фу Чэном.

Даже зная, что тот его не понимает, он снова и снова спрашивал:

— Ну как ты так умудрился? Ты что, по горам из ножей лазил?

— Как ты так поранился? Больно?

— Зомби тоже ранятся и кровью истекают? А у зомби кровь может вся вытечь?

— Чэн-гэ, я тебя ненавижу, ты всегда такой, безрассудный, совсем себя не бережешь.

— И когда человеком был, и когда зомби стал.

— В следующий раз не смей так делать, а если сделаешь, я...

Линь Цзао, опустив голову и потупив взгляд, пытался скрыть свою боль.

Но в этот момент из-за туч выглянула луна, и её свет хлынул в окно.

Яркий, чистый, ничем не заслонённый свет.

Линь Цзао невольно поднял голову и, посмотрев на пустой оконный проём, замер в изумлении.

Здесь... здесь было окно?

А где рама? Где стекло?

В следующую секунду Фу Чэн тихо заурчал.

Почему Сяо Цзао замер? Почему не вытирает ему руки?

Линь Цзао тут же очнулся, опустил голову, посмотрел на него и всё понял.

Там не было окна, там был вентилятор!

Вентилятор! С железными лопастями!

Который... который мог изрезать человека до неузнаваемости!

И в следующую секунду Линь Цзао, раскинув руки, крепко обнял Фу Чэна.

Без страха, без сомнений.

<http://bllate.org/book/16977/1585440>